

УДК 343.43

Е.А. Коротич

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

В настоящей статье представлено исследование зарубежного опыта криминализации преступлений, непосредственно направленных против личной свободы человека. Использование в уголовном праве приемов компаративистики, или сравнительно-правового метода познания, имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, позволяя выявить наиболее рациональные подходы к проблеме уголовно-правовой охраны того или иного правового блага.

На основе изучения уголовного законодательства государств различных правовых систем в данной статье предпринята попытка определить наиболее значимые аспекты сближения законодательных подходов государств в области охраны личной свободы человека. В целях обеспечения полноты и последовательности такого исследования в работе использован комплексный (системный) подход, применение которого позволило выявить существенные, в том числе, с точки зрения совершенствования отечественного уголовного закона, направления уголовно-правовой охраны исследуемого правового блага.

Введение

Практическая значимость компаративистики, или сравнительно-правоведческого исследования, заключается в возможности выявления наиболее рациональных подходов к криминализации преступлений против личной свободы человека, применяемых зарубежными законодателями, что может стать основой для совершенствования отечественного уголовного закона. Являясь средством пространственного («панорамного») исследования того или иного правового явления, компаративистика (наряду с методом историзма) позволяет сформировать целостное представление о данном явлении. Более того, изучение зарубежного опыта, по справедливому утверждению видного французского юриста Марка Анселя, позволяет юристу «лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами» [1, с. 38].

Преступления против личной свободы человека в уголовном законодательстве зарубежных государств

Несмотря на то, что уголовно-правовая охрана личной свободы человека в каждом государстве имеет свою специфику, определяемую особенностями его исторического развития, национальными традициями, политическим режимом и т.д., сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства разных государств позволяет констатировать определенное сближение их подходов в исследуемой области. Этому, с нашей точки зрения, способствуют активно развивающиеся интеграционные процессы; осознание необходимости реализации совместных мер борьбы с преступлениями транснационального масштаба, к числу которых могут быть отнесены и отдельные посягательства на свободу человека (например, торговля людьми, похищение человека), стремление государств вырабатывать общие подходы в вопросах обеспечения прав и свобод человека в том числе наиболее радикальными (уголовно-правовыми) средствами. Кроме того, участвуя в международных договорах по вопросам борьбы с преступностью (в том числе преступлениями против личной свободы), государства принимают

Научный руководитель – В.В. Марчук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Белорусского государственного университета

на себя обязательства обеспечивать соответствие им национального права, в результате чего в уголовных законах разных государств появляются однотипные уголовно-правовые запреты.

Как показал проведенный анализ специальных источников, современные сравнительно-правовые исследования в области уголовно-правовой охраны личной свободы человека преимущественно носят фрагментарный характер: авторы, как правило, ограничиваются выборочным изучением уголовного законодательства отдельных государств. Представляется, что в практическом отношении такой подход является недостаточным. С нашей точки зрения, более перспективным направлением сравнительного исследования является установление присущей многим государствам общности законодательного регулирования относительно таких ключевых аспектов, как место норм, призванных обеспечить непосредственную охрану личной свободы человека, в системе Особенной части Уголовного кодекса (далее – УК); технико-юридические приемы конструирования составов исследуемых преступлений, а также основания повышения типовой степени их общественной опасности.

Итак, анализ зарубежного уголовного законодательства на предмет расположения норм об ответственности за преступления против личной свободы человека в структуре Особенной части УК позволяет назвать в качестве наиболее распространенных следующие законодательные приемы их систематизации:

1) структурное обособление норм о преступлениях против личной свободы в рамках самостоятельной главы (иной рубрикации), как правило, с одноименным названием (в частности, УК Польши, Нидерландов, Дании, Франции, ФРГ, Испании, Швейцарии, Австрии, Норвегии, Литвы, Болгарии, Аргентины, Турции, Израиля, Сан-Марино и др.);

2) объединение в рамках единой структурно обособленной главы норм о преступлениях против личной свободы с нормами уголовного закона, криминализирующими посягательства на иной правоохраняемый объект (характерно для уголовного законодательства большинства государств постсоветского пространства: России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Латвии, Молдовы, Кыргызской Республики, – а также некоторых иных государств);

3) нормы об ответственности за преступления против личной свободы структурно не обособлены в рамках отдельной главы (иной рубрикации), а соответствующие преступные деяния рассредоточены в общем массиве преступлений против человека (уголовные законы Грузии, Казахстана, Эстонии, Китая и др.).

Следует особо подчеркнуть, что независимо от способа структурирования нормы о преступлениях против личной свободы человека практически во всех изученных уголовных законах расположены после нормативного материала о преступлениях против жизни и здоровья.

Следующий аспект сближения уголовного законодательства различных государств – нормативное закрепление относительно однотипной системы уголовно-правовых запретов в исследуемой области. Исходя из перечня соответствующих уголовно-правовых норм и характера содержащихся в них запретов следует, что в большинстве стран охраняемым этими нормами объектом является личная свобода во всем многообразии форм ее проявления (свобода перемещения, выбора места нахождения, свобода волеизъявления и др.). Как правило, законодательный ряд норм о преступлениях против личной свободы строится с учетом следующих преступных посягательств: незаконное лишение свободы, похищение человека, принуждение, захват заложника. Кроме того, в уголовных законах ряда государств данный перечень дополняется нормами о торговле людьми и (или) работорговле, а также об угрозе. Причем особое значение в перечне преступлений против личной свободы имеют, как правило, два состава: принуж-

дение и противоправное лишение свободы. Остальные составы по своей конструкции, как правило, сочетают в себе признаки их объективной стороны.

Помимо названных выше посягательств, преступлениями против личной свободы человека в уголовных законах зарубежных государств признаются: незаконное помещение в психиатрическую больницу (УК Республики Таджикистан, Украины, Эстонской Республики, Республики Молдова и др.), хотя некоторые зарубежные законодатели подобное деяние оценивают в качестве квалифицирующего признака незаконного лишения свободы (например, УК Дании, Болгарии и др.); вербовка людей для эксплуатации (УК Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Кыргызской Республики); нарушение неприкосновенности жилища (УК Республики Сан-Марино, Австрии, Швейцарии); обращение в рабство (УК Нидерландов, Норвегии, Республики Сан-Марино, Аргентины, и др.); проведение медицинских процедур без согласия пациента (УК Австрии, Польши); незаконный увоз человека за границу (УК Республики Сан-Марино, Израиля, ФРГ, Японии, Австрии) и др.

Важным аспектом сближения законодательных подходов к уголовно-правовой охране личной свободы человека является унификация технико-юридических способов конструирования составов соответствующих преступлений. И хотя нормативное описание признаков преступлений против личной свободы человека в зарубежном уголовном законодательстве отличается существенной поливариантностью, тем не менее следует констатировать присущее большинству уголовных законов стремление преодолеть казуальность при формулировании уголовно-правовых запретов в исследуемой области, что находит отражение в закреплении достаточно обобщенных, простых с точки зрения правопонимания и относительно кратких формулировок соответствующих норм. Говоря о технико-юридических приемах конструирования основных составов преступлений против личной свободы, можно назвать следующие наиболее характерные тенденции, получившие отражение в уголовных законах многих зарубежных государств.

1. В нормах о незаконном лишении свободы, как правило, не конкретизируется способ совершения данного преступления, в связи с чем ответственность влечет не только насильственное лишение свободы, но и совершение такого деяния путем обмана, злоупотребления доверием и т.д.

2. В общей норме о принуждении альтернативным угрозой способом совершения преступления признается физическое насилие, характер которого, как правило, не конкретизируется (например, ст. 143 (1) УК Болгарии, § 105 (1) УК Австрии, § 240 (1) УК ФРГ, ст. 188 УК Турции, ст. 181 УК Швейцарии, ст. 284 УК Нидерландов и др.). По общему правилу, ответственность устанавливается не только за принуждение к совершению какого-либо действия либо к воздержанию от его совершения, но и за принуждение к претерпеванию чего-либо (ст. 191 УК Польши, § 222 УК Норвегии, ст. 181 УК Швейцарии, ст. 143 (1) УК Болгарии и т.д.).

3. Нормы об ответственности за торговлю людьми предусмотрены практически во всех УК зарубежных государств, правда, далеко не все законодатели в качестве непосредственного объекта данного преступления признают личную свободу человека, что отражается на его месте в системе Особенной части уголовного закона (например, Раздел 5 «Преступные деяния против половой неприкосновенности» в УК Швейцарии, Раздел 13 «Преступные деяния против полового самоопределения» в УК ФРГ и др.). Более того, уголовное законодательство ряда государств по-прежнему ограничивает область криминализации деяний, связанных с торговлей людьми, специальной целью — использованием потерпевшего для занятия проституцией, в связи с чем такие явления, как торговля людьми и проституция, рассматриваются в качестве однопорядковых или тесно взаимосвязанных явлений (§§ 180b, 181 УК ФРГ; ст. 246 УК Чехии; ст. 129 УК Гонконга).

В уголовных кодексах некоторых зарубежных государств наряду с общей нормой об ответственности за торговлю людьми (равно как и при ее отсутствии) предусматривается норма о торговле несовершеннолетними (например, § 236 УК ФРГ; ст. 123¹ УК Эстонии; статьи 372, 373 УК Брунея и др.).

4. Отличительной чертой норм об ответственности за похищение человека является наличие простых диспозиций, которые только называют преступление, не раскрывая его юридически значимые признаки (например, УК Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и др.), что актуализирует проблему разграничения похищения человека и незаконного лишения свободы. Решение указанной проблемы в ряде государств достигается посредством объединения норм об ответственности за похищение человека и незаконное лишение свободы в рамках одной статьи уголовного закона: при таком подходе названные посягательства признаются альтернативными формами противоправного лишения свободы (например, УК Болгарии, Украины, Франции, Швейцарии, Сан-Марино и др.). Помимо данного юридического приема, в уголовном законодательстве зарубежных государств достаточно распространенным является подход к описанию признаков названных посягательств, при котором последние могут быть охарактеризованы как не конкурирующие друг с другом составы преступлений (УК РФ, Латвии, Нидерландов, ФРГ и др.). При этом в качестве критерия их разграничения, как правило, называется способ, субъект или цель совершения соответствующего преступления, либо в норме о незаконном лишении свободы закрепляется т.н. негативный признак. Немногие уголовные законы при описании признаков основного состава похищения человека придают юридическое значение факту перемещения потерпевшего в пространстве либо изъятию его из привычной микросреды (например, УК штатов Калифорния и Пенсильвания, Японии, Нидерландов и др.).

5. Нормы об угрозе предусматривают ответственность за насильственное информационное воздействие на психику человека. В большинстве уголовных законов (речь идет только о тех УК, в которых угроза признана преступлением против личной свободы) законодатель конкретизирует содержание уголовно наказуемой угрозы, как правило, оставляя без внимания вопрос о способе ее выражения. Вместе с тем уголовное законодательство ряда государств содержанию угрозы правового значения не придает: основной акцент делается на реальность угрозы, ее направленность на появление у потерпевшего состояния страха и беспокойства. Указание на «обоснованность опасений», или реальность угрозы, используется, в частности, при определении признаков рассматриваемого преступления в УК Польши, Австрии, Японии и др.

6. Нормы об ответственности за захват заложника появились в уголовном законодательстве многих государств вследствие участия в Конвенции ООН о борьбе с захватом заложников 1979 г., в связи с чем международно-правовое определение данного преступления и было положено в основу его нормативного описания в национальных уголовных законах. В силу объективных трудностей, связанных с отграничением захвата заложника от смежных посягательств на личную свободу (а именно, от похищения человека и незаконного лишения свободы), в зарубежном уголовном законодательстве практикуются следующие приемы криминализации рассматриваемого преступления: захват заложника и похищение человека составляют единое преступление против личной свободы человека (§ 102 УК Австрии; ст. 142/2 УК Аргентины; ст. 239 УК КНР; ст. 185 УК Швейцарии); захват заложника сформулирован законодателем в качестве видового состава принуждения (ст. 143а УК Болгарии), похищения человека или незаконного лишения свободы (ст. 224-4 УК Франции; ст. 20.04 УК штата Техас). Однако следует отметить, что в уголовных законах многих государств анализируемое преступное деяние признается самостоятельным посягательством на личную свободу человека (УК Украины, Нидерландов, ФРГ, Грузии, Латвии, Эстонии и др. стран).

Возвращаясь к наиболее значимым аспектам сближения зарубежного законодательства в области уголовно-правовой охраны личной свободы, нельзя не отметить некоторого сходства законодательных подходов к определению перечня оснований повышения ответственности за исследуемые посягательства. Причем во многих уголовных законах нормативным отражением такого рода оснований выступают не столько квалифицирующие признаки составов рассматриваемых преступлений, сколько квалифицирующие обстоятельства как сложные образования, объединяющие несколько признаков (например, способ и цель), не имеющих строгой «привязки» к структуре основного состава преступления. В уголовных законах ряда государств квалифицированные составы преступлений против личной свободы человека предусматриваются в качестве самостоятельных, структурно обособленных в рамках отдельных норм посягательств (§ 106 УК Австрии; ст. 142 УК Аргентины; ст. 224-2 УК Франции; ст. 20.04 УК штата Техас и др.).

Наиболее распространенными основаниями повышения ответственности за преступления против личной свободы являются следующие признаки:

1) относящиеся к объекту и объективной стороне: совершение преступления в отношении несовершеннолетнего, беременной женщины; в отношении двух или более лиц; совершение преступления способом, мучительным или опасным для жизни/здоровья потерпевшего (в том числе с применением насилия либо оружия или иных предметов, используемых в качестве орудия совершения преступления); повлекшее наступление тяжких последствий (в том числе причинение потерпевшему тяжкого телесного повреждения, наступление смерти потерпевшего);

2) признаки, относящиеся к субъекту и субъективной стороне: совершение преступления специальным субъектом (должностным лицом, представителем общественности в нарушение служебных обязанностей и др.); повторное совершение преступления; совершение преступления группой лиц или организованной группой; с целью вывоза потерпевшего за пределы государства; с целью получения выкупа или вознаграждения и некоторые иные.

В контексте сравнительно-правового исследования особого внимания заслуживает такое основание повышения ответственности за преступления против личной свободы человека, как время ограничения свободы потерпевшего, т.е. длительность его удержания в условиях неволи. В отличие от УК Республики Беларусь данное основание дифференциации уголовной ответственности получило отражение в уголовно-правовых нормах о незаконном лишении свободы и/или похищении человека многих государств (в частности, Латвии, Литвы, ФРГ, Франции, Испании, Швейцарии, Болгарии, Польши). Так, например, УК штата Нью-Йорк предусматривает усиление ответственности в том случае, если лишение свободы продолжалось свыше 12 часов (п. 2 § 135.25). В УК Дании квалифицирующим признаком незаконного лишения свободы называется долгосрочное ограничение свободы потерпевшего (п. 2 § 261) и т.д.

Следует отметить, что практика дифференциации уголовной ответственности за противоправное лишение свободы в зависимости от длительности ее ограничения была характерна для некоторых источников отечественного уголовного права XIX – начала XX вв. (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное Уложение 1903 г.). Что касается современного УК Республики Беларусь, то постановка вопроса о целесообразности его реформирования в направлении использования указанного зарубежного опыта, с нашей точки зрения, не имеет ни социальных, ни правовых оснований. По логике законодателя, установление сроков противоправного лишения свободы как основания дифференциации ответственности, имеет целью предотвращение тяжких последствий (вред здоровью, смерть потерпевшего и др.). В то же время наступление такого рода последствий вследствие совершения преступлений против личной свободы человека и в отечественном УК, и в УК многих зарубежных госу-

дарств, как правило, оценивается законодателем в качестве самостоятельного основания повышения ответственности (квалифицирующего признака), что уже само по себе должно выполнять ту превентивную функцию, о которой идет речь. Кроме того, нормативному закреплению сроков незаконного ограничения свободы, могущих иметь уголовно-правовое значение, препятствует отсутствие научно обоснованных данных относительно продолжительности временного интервала, «с истечением которого действия виновного становятся более общественно опасными» [2, с. 152]. Свидетельством тому является не только поливариантность положений зарубежных уголовных законов в данной области, но и непрерывные дебаты на сей счет на страницах юридической печати.

Еще одним, хотя и негативным, аспектом сближения зарубежного уголовного законодательства в вопросах охраны личной свободы человека является тот факт, что вне правового поля большинства государств по-прежнему остаются вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных собственно в эксплуатации человека.

Как указывалось ранее, наметившаяся тенденция унификации законодательных подходов различных государств в области уголовно-правовой охраны личной свободы не исключает присущую каждому государству специфику правового регулирования в данной сфере. Для полноты исследования обозначим некоторые особенности уголовно-правовой охраны личной свободы человека. В целях обеспечения концептуального единства нашего исследования представляется целесообразным назвать наиболее распространенные в зарубежных уголовных законах специфические подходы к вопросам криминализации преступлений против личной свободы.

1. Уголовные законы различных государств по-прежнему отличает существенное разнообразие подходов в вопросе определения перечня исследуемых преступлений. Существующие различия в круге общественно опасных деяний, признаваемых тем или иным законодателем преступлениями против личной свободы человека, дополняются спецификой законодательного обозначения однопорядковых по сути преступлений (например, под признаки «Киднепинг» по § 207 УК штата Калифорния подпадает деяние, определяемое ст. 278 УК Нидерландов как «Кража людей»; деяние, состоящее в ограничении свободы волеизъявления, в УК Республики Сан-Марино определяется как «Насилие по отношению к частному лицу» (ст. 179), а в УК ФРГ как «Принуждение» (§ 240), УК Литовской Республики таким деянием признает «Ограничение свободы действий человека» (ст. 148), а УК Грузии – «Понуждение» (ст. 150) и т.д.).

2. Для уголовных законов ряда зарубежных государств характерно отнесение к системе преступлений против личной свободы человека деяний, выражающихся в противоправном лишении свободы потерпевшего должностным лицом правоохранительных органов (организаций) с использованием своего служебного положения. Причем в одних случаях такого рода посяательства предусматриваются в качестве самостоятельных преступлений против личной свободы (например, ст. 146 УК Грузии; ст. 377 УК Израиля; ст. 181 УК Турции), в других – соответствующие деяния признаются квалифицирующим признаком незаконного лишения свободы (ст. 20.02 (2), (В) УК штата Техас; ст. 142 (2) п. 6, ст. 142а (2) УК Болгарии; п. 4 ст. 142 УК Аргентины).

3. Уголовные законы некоторых зарубежных государств дифференцируют уголовную ответственность за незаконное лишение свободы в зависимости от формы вины: наряду с общей нормой об ответственности за данное преступление предусматривается норма, криминализирующая незаконное лишение свободы по неосторожности (например, § 262 УК Дании, ст. 283 УК Нидерландов и др.).

Заключение

Сравнительно-правовое исследование позволяет сделать вывод о том, что уголовное законодательство зарубежных государств закрепляет относительно целостную

и во многом унифицированную систему уголовно-правовых запретов в области охраны личной свободы человека, исследование которой может подсказать направления совершенствования действующего уголовного закона Республики Беларусь (прежде всего систематизация преступлений против личной свободы человека в рамках структурно обособленной рубрики, использование зарубежного опыта признания преступлением против личной свободы захвата заложника, рецепция наиболее рациональных технико-юридических приемов описания данных преступлений, например, закрепление признака противоправности деяния в составе незаконного лишения свободы, признание способом принуждения не только психического, но и физического насилия, криминализация незаконного лишения свободы независимо от способа (насилие, обман, злоупотребление доверием, и др.) его совершения и т.д.).

Неслучайно Марк Ансель подчеркивал, что сравнение «способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [1, с. 38]. Очевидно, что речь идет не о слепом заимствовании зарубежного опыта, а о его изучении с целью понимания своих проблем, своих возможностей и принимаемых на этой основе собственных законодательных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ансель, М. Методологические проблемы сравнительного права / М. Ансель // Очерки сравнительного права : сборник / сост., пер. и вступит. статья В.А. Туманова. – М. : Прогресс, 1981. – С. 36–86.

2. Лапунина, Н.Н. Уголовно-правовая охрана свободы человека: реальность и перспективы / Н.Н. Лапунина // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 1. – С. 147–152.

Korotich E.A. The Foreign Experience of the Personal Freedom's Protection by Means of Criminal Law

The research of a foreign criminalization experience of the crimes against personal freedom is presented in the given article. The using of comparative-legal method of knowledge in Criminal law has not only theoretical, but also the important practical value, allowing to reveal the most rational approaches to a problem of criminally-legal protection of different legal welfares. On the basis of the foreign criminal legislation's studying the attempt to define the most significant aspects of harmonization of legislative approaches of the different states in the field of a personal freedom's protection is undertaken in the given article. For providing completeness and sequence of such a research the complex approach was used that has allowed to reveal the essential (from the point of view of perfection of the domestic criminal law) direction of criminally-legal protection of the investigated legal welfare.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.10. 2012